

ЯКИМОВСКИЙ В. К. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЯКИМОВСКИЙ Василий Капитонович, родился в 1859. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Занимался торговлей леса, был членом Государственной Думы 1-го созыва. В 1914 — воевал в чине прапорщика, с 1918 — воевал с белофиннами и армией Юденича в рядах Красной армии, с 1920 — после демобилизации по болезни служил делопроизводителем в Стройсвири, с 1926 — на пенсии как инвалид. 10 января 1931 — арестован, отправлен в Ленинград и заключен в тюрьму. 15 мая приговорен к 3 годам ссылки в Северный край и отправлен в деревню Артемьевская Кичменского района.

В августе 1932 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<4 августа 1932>

Защитнице политзаключенных и
административно высланных Е. П. Пешковой

административно-высланного
Якимовского Василия Капитоновича
(Северный Край, Кичменско-Городецкое
почт<овое> отд<еление> того же
района, Сараевский сельсовет,
деревня Артемьевская)

Заявление.

Дорогая Е. П.! Извините, что решился беспокоить Вас просьбой походатайствовать за меня о пересмотре моего дела и об освобождении меня от ссылки и возвращении к моей семье. Я, немощный старик, 63 лет. По образованию я юрист, окончил Петроградский Университет. До 1914 г<ода> я занимался торговлей лесом, но с этого года никакой решительно торговли не вел. Служил по выборам в земстве, и в 1906 г<оду> был членом 1-ой Государственной Думы. В 1914 г<оду> я как прапорщик запаса призван был на военную службу в Германскую войну и в июле того же года ликвидировал все мои лесоторговые дела. На войне я пробыл три года и был эвакуирован как заболевший лихорадкой с мокрой экземой в Петроград, а оттуда отправлен на лечение в г<ород> Лодейное Поле (ст<анция> Лодейное поле Ленинградской области Мурм<анской> жел<езной> дороги), где и пережил Октябрьскую Революцию. По излечении в 1918 г<оду> я вернулся в свою деревню. Там, в это время формировался Красный Пограничный Полк, и я с разрешения командира и комиссара полка и погран<ичного> дивизиона вступил в него добровольцем и был назначен адъютантом полка и участвовал в 1919 г<оду> в боях с белофиннами. В конце лета 1919 г<ода> полк наш был переформирован в стрелковый пехотный и отправлен на фронт против Юденича, которого мы и гнали за Ямбург, а оттуда полк наш был переброшен на Варшавский фронт (1920 г<од>), откуда я, накануне Варшавских воев и отступления, опять как заболевший был эвакуирован в Ленинград и дальше в Лодейное Поле.

После нескольких комиссий я был совсем освобожден от военной службы в армии. Вернувшись на родину, я сразу же, в том же 1920 году поступил на советскую службу, где и пробыл до июля 1926 г<ода>. Последовательно я служил делопроизводителем в Стройсвири у Завсплавом леса по р<еке> Ояти, у жел<езно>-дор<ожного> леса и в лесной конторе Мурм<анской> ж<елезной> д<ороги>. В 1926 г<оду> я заболел параличем правой половины и ленинградской врачебной

экспертизой признан был инвалидом 2 разряда и, конечно, уволен со службы. Страховая комиссия Мурм<анской> ж<елезной> д<ороги> назначила мне пенсию, принимая во внимание службу в Красной Армии. С этих пор я жил со своей женой на родине. В 1923 г<оду> я был лишен избирательных прав, но по моему заявлению комиссия при ВЦИК восстановила меня в правах, как неправильно лишенного. Разбитый параличом, я, естественно, никаким делом не занимался и жил тихо и скромно в своей деревне. Никогда никакой агитацией и пропагандой чего-либо я не занимался, живя инвалидом дома. При национализации имущества все мне было оставлено, вернее национализация меня не коснулась, за исключением лесных дач (лесов) и побочного лесного (сплавного) материала. Обложение же мне по сел<ьскому> хоз<яйству> было небольшое, как инвалиду, и в результате с отказом моим от земли было совсем снято.

10-го января 1931 г<ода> районное ГПУ произвело у меня обыск и арестовало меня, захватив документы, и направило в изолятор в г<ород> Ленинград, где я просидел 4½ месяца. На следствии следователь спрашивал меня о торговле и сношении с иностранными фирмами, о моей службе в Госуд<арственной> Думе, в Кр<асной> Армии и отношении к колхозам, и лишь на последнем допросе был задан вопрос — "могут ли крестьяне иметь свою партию" — и о моем отношении к кулакам и их высылке. Я, отставший от жизни и не знающий политики последних дней, на последние вопросы ответил, что крестьяне могут иметь свою партию, и на вопрос о кулаках заявил, что мое мнение прежде высылки кулаков нужно повлиять на них в воспитательном духе, т<ак> к<ак> деревня нуждается в рабочих руках. И только это можно поставить мне в вину, но я чистосердечно заявил, что ни к какой партии не принадлежу и никакой агитацией и пропагандой никогда не занимался, и всегда лояльно относился к Советской власти.

15 мая 1931 г<ода> я получил решение тройки Ленинградского ГПУ, что я обвинен по 58-й ст<атье> п<ункт> 10 УК и был выслан в Северный Край. На просьбу моих сыновей в 1931 г<оду> в Комиссию при ВЦИКе по амнистиям, кот<орые> состоят на советской службе в Ленинграде и находятся по своей работе и усердию в первых рядах социалистического строительства, о пересмотре моего дела, об освобождении меня от ссылки, никакого ответа не поступило.

И вот, я обращаюсь к Вам, многоуважаемая Е. П., с просьбой о ходатайстве за меня, о пересмотре моего дела и возвращении меня к семье, которая берет меня, старика, на иждивение и поруки. Имущество мое в 1931 г<оду> ликвидировано как бесхозное, т<ак> к<ак> после моего ареста жена выехала к детям, с которыми и живет до сего времени.

Глубоко извиняюсь и сознаю, что беспокою Вас своей просьбой, но умирать вдали от семьи и в таких условиях тяжело, потому и прошу Вас, как защитницу высланных, и прошу извинения.

4/VIII-1932 г<ода>. За больного мужа по его просьбе Ек<атерина> Якимовская.

Мой адрес:

Кичменско-Городецкое п<очтовое> отд<еление> Северного края
Сараевский с<ель>совет, деревня Артемьевская,
Вас<илий> Кап<итонович> Якимовский»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 748. С. 26-28. Автограф.